

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Каких событий отголоски

Сборник стихов

Приложение к книге эссе Надежды Калашниковой
«Действительность не лечится»

Новокузнецк
2014

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

К 16

Каких событий отголоски : сборник стихов : приложение к книге эссе Надежды Калашниковой «Действительность не лечится» / [ответственный за выпуск – Калашников Н. Н.] ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2014. – 80 с.

В небольшой книжечке эссе Надежды Калашниковой «Действительность не лечится» процитировано (или упомянуто) довольно большое количество стихотворений русских, советских и современных российских поэтов (и даже парочка зарубежных). Нам показалось интересным сделать сборник из процитированных в этих эссе стихотворений, тем более что, вероятно, не все читатели помнят (а может быть, и знают) эти стихи. Думается, что прочтение процитированных стихов в полном объёме поможет лучше понять эссе Надежды. Да и сам сборник, на мой взгляд, получился интересным и, хочется надеяться, найдёт своего читателя. Название сборнику дано по строчке прекрасного новокузнецкого поэта Николая Николаевского.

На первой странице обложки – рисунок Марины Колотвиной

Александр БЛОК

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной жёлтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной –
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснёт святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...

И нет конца! Мелькают вёрсты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несётся вскачь!

(Из цикла «На поле Куликовом»)

О, весна без конца и без краю –
Без конца и без краю мечта!

Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха – позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах тёмных окна,
Чтоб мои воспалённые взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветлённый простор поднебесий
И томления рабьих трудов!

И встречаю тебя у порога –
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами – хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель – я знаю –
Всё равно: принимаю тебя!

Сергей БОГАЧЕВ

Откровение

И будет день,
где вечно без
вчера – сегодня!
В одном лице сойдут с небес
Христос и Один!
И будет мир странною Оз!
Сон будет явью!
Аллах,
растроганный до слёз,
обнимет Яхве!

И Зевсу недра головы
разверзнет Будда!
И будет небо голубым...
А я не буду!

Павел ВАСИЛЬЕВ

Сердце

Мне нравится деревьев стать,
Июльских листьев злая пена.
Весь мир в них тонет по колено.
В них нашу молодость и стать
Мы узнавали постепенно.

Мы узнавали постепенно,
И чувствовали мы опять,
Что тяжело зеленью дышать,
Что сердце, падкое к изменам,
Не хочет больше изменять.

Ах, сердце человечье, ты ли
Моей доверилось руке?
Тебя как клоуна учили,
Как попугая на шестке.

Тебя учили так и этак,
Забывши радости твои,
Чтоб в костяных трущобах клеток
Ты лживо пело о любви.

Сгибалась человечья выя,
И стороною шла гроза.
Друг другу лгали площадные
Чистосердечные глаза.

Но я смотрел на всё без страха, –
Я знал, что в дебрях темноты
О кости чёрствые с размаху
Припадками дробилось ты.

Я знал, что синий мир не страшен,
Я сладостно мечтал о дне,
Когда не по твоей вине
С тобой глаза и души наши
Останутся наедине.

Тогда в согласье с целым светом
Ты будешь лучше и нежней.
Вот почему я в мире этом
Без памяти люблю людей!

Вот почему в рассветах алых
Я чтил учителей твоих
И смело в губы целовал их,
Не замечая злобы их!

Я утром встал, я слышал пеньё
Весёлых девушек вдали,
Я видел – в золотой пыли
У юношей глаза цвели
И снова закрывались тенью.

Не скрыть мне то, что в чёрном дыме
Бежали юноши. Сквозь дым!
И песни пели. И другим
Сулили смерть. И в чёрном дыме
Рубили саблями слепыми
Глаза фиалковые им.

Мело пороховой порошей,
Большая жатва собрана.
Я счастлив, сердце, – допьяна,
Что мы живём в стране хорошей,
Где зреет труд, а не война.

Война! Она готова сворой
Рвануться на страны жильё.
Вот слово верное моё:
Будь проклят тот певец, который
Поднялся прославлять её!

Мир тяжким ожиданьем связан.
Но если пушек табуны
Придут топтать поля страны –
Пусть будут те истреблены,
Кто поджигает волчьим глазом
Пороховую тьму войны.

Я призываю вас – пора нам,
Пора, я повторяю, нам
Считать успехи не по ранам –
По вёснам, небу и цветам.

Родятся дети постепенно
В прибое. В них иная стать,
И нам нельзя забывать,
Что сердце, падкое к изменам,
Не может больше изменять.

Я вглядываюсь в мир без страха,
Недаром в нём растут цветы.
Готовое пойти на плаху,
О кости чёрствые с размаху
Бьёт сердце – пленник темноты.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Монолог Мерлин Монро

Я Мерлин, Мерлин.

Я героиня
самоубийства и героя.
Кому горят мои георгины?
С кем телефоны заговорили?
Кто в костюмерной скрипит лосиной?

Невыносимо,

невыносимо, что не влюбиться,
невыносимо без рощ осиновых,
невыносимо самоубийство,
но жить гораздо невыносимей!

Продажи. Рожи. Шеф ржёт, как мерин
(Я помню Мерлин.

Её глядели автомобили.

На стометровом киноэкране
в библейском небе,

меж звезд обильных,
над степью с крохотными рекламами
дышала Мерлин,

её любили...

Изнемогают, хотят машины.

Невыносимо),

невыносимо

лицом в сиденьях, пропахших псиной!

Невыносимо,

когда насильно,

а добровольно – невыносимей!

Невыносимо прожить, не думая,
 невыносимее – углубиться.
 Где наша вера? Нас будто сдунули,
 существование – самоубийство,

самоубийство – бороться с дрянью,
 самоубийство – мириться с ними,
 невыносимо, когда бездарен,
 когда талантлив – невыносимей,

мы убиваем себя карьерой,
 деньгами, девками загорелыми,
 ведь нам, актерам,

жить не с потомками,

а режиссеры – одни подонки,

мы наших милых в объятьях душим,
 но отпечатываются подушки
 на юных лицах, как след от шины,
 невыносимо,

ах, мамы, мамы, зачем рождают?
 Ведь знала мама – меня раздавят,

о, кинозвёздное оледененье,
 нам невозможно уединенье,
 в метро,
 в троллейбусе,
 в магазине

«Приветик, вот вы!» – глядят разини,
 невыносимо, когда раздеты
 во всех афишах, во всех газетах,
 забыв,

что сердце есть посередке,
 в тебя завёртывают селёдки,
 лицо измято,

глаза разорваны

(как страшно вспомнить во «Франс-Обзёрвере»
 свой снимок с мордой

самоуверенной

на обороте у мёртвой Мерлин!).

Орёт продюсер, пирог уписывая:
 «Вы просто дуся,

ваш лоб – как бисерный!»

А вам известно, чем пахнет бисер?!
 Самоубийством!

Самоубийцы – мотоциклисты,
самоубийцы спешат упиться,
от вспышек блицев бледны министры –
самоубийцы,

самоубийцы,
идёт всемирная Хиросима,
невыносимо,

невыносимо всё ждать,
чтоб грянуло,

а главное –

необъяснимо невыносимо,
ну, просто руки разят бензином!

Невыносимо

горят на синем
твои прощальные апельсины...

Я баба слабая. Я разве слажу?
Уж лучше – сразу!

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Был развесёлый розовый восход,
И плыл корабль навстречу передрягам,
И юнга вышел в первый свой поход
Под флибустьерским черепастым флагом.

Накренившись к воде, парусами шурша,
Бриг двухмачтовый лёг в развороте.
А у юнги от счастья качалась душа,
Как пеньковые ванты на гроте.

И душу нежную под грубой робой пряча,
Суровый шкипер дал ему совет:
«Будь джентльменом, если есть удача,
А без удачи – джентльменов нет!»

И плавал бриг туда, куда хотел,
Встречался – с кем судьба его сводила,
Ломая кости вёслам каравелл,
Когда до абордажа доходило.

Был однажды богатой добычи делёж –
И пираты бесились и выли...
Юнга вдруг побледнел и схватился за нож, –
Потому что его обделили.

Стояла девушка, не прячась и не плача,
И юнга вспомнил шкиперский завет:
Мы – джентльмены, если есть удача,
А нет удачи – джентльменов нет!

И видел он, что капитан молчал,
Не пробуя сдержатъ кровавой свары.
И ран глубоких он не замечал –
И наносил ответные удары.

Только ей показалось, что с юнгой – беда,
А другого она не хотела, –
Перекинулась за борт – и скрыла вода
Золотистое смуглое тело.

И прямо в грудь себе, пиратов озадачив,
Он разрядил горячий пистолет...
Он был последний джентльмен удачи, –
Конец удаче – джентльменов нет!

День без единой смерти

I
Часов, минут, секунд – нули, –
Сердца с часами сверьте:
Объявлен праздник всей Земли –
День без единой смерти!
Вход в рай забили впопыхах,
Ворота ада – на засове, –
Без оговорок и условий
Всё согласовано в верхах.
Ликуй и веселись, народ!
Никто от родов не умрёт,
И от болезней в собственной постели.
На целый день отступит мрак,
На целый день задержат рак,
На целый день придержат душу в теле.
И если где резня теперь –
Ножи держать тупыми!
А если бой, то – без потерь,
Расстрел – так холостыми.
Нельзя и с именем Его
Свинцу отвешивать поклонов.
Во имя жизни миллионов
Не будет смерти одного!

И ни за черта самого,
Ни за себя – ни за кого
Никто нигде не обнажит кинжалов.
Никто навечно не уснёт,
И не взойдёт на эшафот
За торжество добра и идеалов.
И запылают сто костров –
Не жечь, а греть нам спины.
И будет много катастроф,
А жертвы – ни единой.
И, отвалившись от стола,
Никто не лопнет от обжорства,
И падать будут из притворства
От выстрелов из-за угла.
Ну а за кем недоглядят,
Того нещадно оживят –
Натрут его, взъерошат, взъерепенят:
Есть спецотряд из тех ребят,
Что мертвеца растеребят, –
Они на день случайности отменят.
Забудьте мстить и ревновать!
Убийцы, пыл умерьте!
Бить можно, но – не убивать,
Душить, но только не до смерти.
В проём оконный не стремись –
Не засти, слазь и будь мужчиной! –
Для всех устранены причины,
От коих можно прыгать вниз.
Слюнтяи, висельники, тли, –
Мы всех вас вынем из петли,
И напоказ валять в пыли,
Ещё дышащих, тёпленьких, в исподнем.
Под топорами палачей
Не упадет главы ничьей –
Приема нынче нет в раю господнем.

II

...И пробил час, и день возник, –
Как взрыв, как ослепленье!
То тут, то там взвивался крик:
«Остановись, мгновенье!»
И лился с неба нежный свет,
И хоры ангельские пели, –
И люди быстро обнаглели:
Твори, что хочешь, – смерти нет!

Иной до смерти выпивал –
Но жил, подлец, не умирал,
Другой в пролёты прыгал всяко-разно,
А третьего душил сосед,
А тот – его, – ну, словом, все
Добро и зло творили безнаказно.
И тот, кто никогда не знал
Ни драк, ни ссор, ни споров, –
Тот поднимать свой голос стал,
Как колья от заборов.
Он торопливо вынимал
Из мокрых мостовых булыжник, –
А прежде он был тихий книжник
И зло с насильем презирал.
Кругом никто не умирал, –
А тот, кто раньше понимал
Смерть как награду или избавленье –
Тот бить стремился наповал, –
А сам при этом напевал,
Что, дескать, помнит чудное мгновенье.
Ученый мир – так весь воспрям, –
И врач, науки ради,
На людях яды проверял –
И без противоядий!
Вон там устроила погром –
Должно быть, хунта или клика, –
Но все от мала до велика,
Живут, – всё кончилось добром.
Самоубийц, числом до ста –
Сгоняли танками с моста,
Повесившихся скопом оживляли.
Фортуну – вон из колеса...
Да, день без смерти удался! –
Застрельщики, ликуя, пировали.
...Но вдруг глашатай весть разнёс
Уже к концу банкета,
Что торжество не удалось,
Что кто-то умер где-то –
В тишайшем уголке Земли,
Где спят и страсти, и стихии, –
Реаниматоры лихие
Туда добраться не смогли.
Кто смог дерзнуть, кто смел посметь?!
И как уговорил он Смерть?

Ей дали взятку – Смерть не на работе.
Недоглядели, хоть реви, –
Он взял да умер от любви –
На взлёте умер он, на верхней ноте!

Дом хрустальный

Если я богат, как царь морской,
Крикни только мне: «Лови блесну!» –
Мир подводный и надводный свой,
Не задумываясь, выплесну!

Дом хрустальный на горе – для неё,
Сам, как пёс бы, так и рос – в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Если беден я, как пёс – один,
И в дому моём – шаром кати, –
Ведь сможешь ты мне, господи,
Не позволишь жизнь скомкати!

Дом хрустальный на горе – для неё,
Сам, как пёс бы, так и рос – в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Не сравнил бы я любую с тобой –
Хоть казни меня, расстреливай.
Посмотри, как я любуюсь тобой, –
Как мадонной Рафаэлевой!

Дом хрустальный на горе – для неё,
Сам, как пёс бы, так и рос – в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Здесь вам не равнина

Здесь вам не равнина, здесь климат иной –
Идут лавины одна за одной.
И здесь за камнепадом ревьёт камнепад, –
И можно свернуть, обрыв обогнуть, –
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа!

Кто здесь не бывал, кто не рисковал –
Тот сам себя не испытал,

Пусть даже внизу он звёзды хватал с небес:
Внизу не встретишь, как не тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил, –
Как Вечным огнём, сверкает днём
Вершина изумрудным льдом –
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но – нет, никто не гибнет зря!
Так лучше – чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, –
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну – не зевай!
Ты здесь на везение не уповай –
В горах не надежны ни камень, ни лёд, ни скала, –
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк –
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони – ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим – у которых вершина ещё впереди.

История болезни

Вдруг словно канули во мрак
Портреты и врачи,
Жар от меня струился как
От доменной печи.

Я злую ловкость ощутил –
Пошёл как на таран, –
И фельдшер еле защитил
Рентгеновский экран.

И – горлом кровь, и не уймёшь –
Залью хоть всю Россию, –

И – крик: «На стол его, под нож!
Наркоз! Анестезию!»

Мне обложили шею льдом –
Спешат, рубаху рвут, –
Я ухмыляюсь красным ртом,
Как на манеже шут.

Я сам себе кричу: «Трави! –
И напрягаю грудь. –
В твоей запекшейся крови
Увязнет кто-нибудь!»

Я б мог, когда б не глаз да глаз,
Всю землю окровавить, –
Жаль, что успели медный таз
Не вовремя подставить!

Уже я свой не слышу крик,
Не узнаю сестру, –
Вот сладкий газ в меня проник,
Как водка поутру.

Цветастый саван скрыл и зал
И лица докторов, –
Но я им все же доказал,
Что умственно здоров!

Слабею, дёргаюсь и вновь
Травлю, – но иглы вводят
И льют искусственную кровь –
Та горлом не выходит.

«Хирург, пока не взял наркоз,
Ты голову нагни, –
Я важных слов не произнёс –
Послушай, вот они.

Взрезайте с богом, помолясь,
Тем более бойчей,
Что эти строки не про вас,
А про других врачей!..

Я лёг на сгибе бытия,
На полдороге к бездне, –
И вся история моя –
История болезни.

Я был здоров – здоров как бык,
Как целых два быка, –
Любому встречному в час пик
Я мог намять бока.

Идешь, бывало, и поёшь,
Общаешься с людьми,
И вдруг – на стол его, под нож, –
Допелся, чёрт возьми!..»

«Не огорчайтесь, милый друг, –
Врач стал чуть-чуть любезней, –
Почти у всех людей вокруг –
История болезней».

Всё человечество давно
Хронически больно –
Со дня творения оно
Болезь обречено.

Сам первый человек хандрил –
Он только это скрыл, –
Да и создатель болен был,
Когда наш мир творил.

Вы огорчаться не должны –
Для вас покой полезней, –
Ведь вся история страны –
История болезни.

У человечества всего –
То колики, то рези, –
И вся история его –
История болезни.

Живет больное всё бодрей,
Всё злей и бесполезней –
И наслаждается своей
Историей болезни...»

Когда я отпою и отыграю,
Где кончу я, на чём – не угадать?
Но лишь одно наверное я знаю:
Мне будет не хотеться умирать.

Посажен на литую цепь почёта,
И звенья славы мне не по зубам.

Эй! Кто стучит в дубовые ворота
Костяшками по кованым скобам?

Ответа нет, но там стоят, я знаю,
Кому не так страшны цепные псы.
Но вот над изгородью замечаю
Знакомый серп отточенной косы.

Я перетру серебряный ошейник
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в репейник,
Порву бока

и выбегу в грозу!

Конец "Охоты на волков", или Охота с вертолетов

Михаилу Шемякину

Словно бритва, рассвет полоснул по глазам,
Отворились курки, как волшебный сезам,
Появились стрелки, на помине легки, –
И взлетели стрекозы с протухшей реки,
И потеха пошла – в две руки, в две руки!

Вы легли на живот и убрали клыки.
Даже тот, даже тот, кто нырял под флажки,
Чуя волчьи ямы подушками лап;
Тот, кого даже пуля догнать не могла б, –
Тоже в страхе взопрел, и прилёг – и ослаб.

Чтобы жизнь улыбалась волкам – не слышал,
Зря мы любим её, однолюбы.
Вот у смерти – красивый широкий оскал
И здоровые, крепкие зубы.

Улыбнёмся же волчьей ухмылкой врагу –
Псам ещё не намылены холки!
Но – на татуированном кровью снегу
Наша роспись: мы больше не волки!

Мы ползли, по-собачьи хвосты подобрал,
К небесам удивлённые морды задрал:
Либо с неба возмездье на нас пролилось,
Либо света конец – и в мозгах перекоп, –
Только били нас в рост из железных стрекоз.

Кровью вымокли мы под свинцовым дождём –
И смирились, решив: всё равно не уйдём!
Животами горячими плавил снег.

Эту бойню затеял не Бог – человек:
Улетающим – влёт, убегающим – в бег...

Свора псов, ты со стаей моей не вяжись,
В равной сваре – за нами удача.
Волки мы – хороша наша волчая жизнь,
Вы собаки – и смерть вам собачья!

Улыбнёмся же волчьей ухмылкой врагу,
Чтобы в корне пресечь кривотолки.
Но – на татуированном кровью снегу
Наша роспись: мы больше не волки!

К лесу – там хоть немногих из вас сберегу!
К лесу, волки, – труднее убить на бегу!
Уносите же ноги, спасайте щенков!
Я мечусь на глазах полупьяных стрелков
И скликаю заблудшие души волков.

Те, кто жив, затаились на том берегу.
Что могу я один? Ничего не могу!
Отказали глаза, притупилось чутьё...
Где вы, волки, бывшее лесное зверьё,
Где же ты, желтоглазое племя моё?!

...Я живу, но теперь окружают меня
Звери, волчих не знавшие кличей, –
Это псы, отдалённая наша родня,
Мы их раньше считали добычей.

Улыбаюсь я волчьей ухмылкой врагу,
Обнажаю гнилые осколки.
Но – на татуированном кровью снегу
Наша роспись: мы больше не волки!

Мой Гамлет

Я только малость объясню в стихе,
На всё я не имею полномочий...
Я был зачат, как нужно, во грехе, –
В поту и нервах первой брачной ночи.

Я знал, что отрываясь от земли, –
Чем выше мы, тем жёстче и суровей.
Я шёл спокойно прямо в короли
И вёл себя наследным принцем крови.

Я знал – всё будет так, как я хочу.
Я не бывал внакладе и в уроне.
Мои друзья по школе и мечу
Служили мне, как их отцы – короне.

Не думал я над тем, что говорю,
И с лёгкостью слова бросал на ветер –
Мне верили и так, как главарю,
Все высокопоставленные дети.

Пугались нас ночные сторожа,
Как оспою, болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
И злую лошадь мучил стремями.

Я знал, мне будет сказано: «Царуй!» –
Клеймо на лбу мне рок с рожденья выжег,
И я пьянел среди чеканных сбруй.
Был терпелив к насилью слов и книжек.

Я улыбаться мог одним лишь ртом,
А тайный взгляд, когда он зол и горек,
Умел скрывать, воспитанный шутом.
Шут мёртв теперь: «Аминь!» Бедняга! Йорик!

Но отказался я от дележа
Наград, добычи, славы, привилегий.
Вдруг стало жаль мне мёртвого пажак...
Я объезжал зелёные побег.

Я позабыл охотничий азарт,
Возненавидел и борзых, и гончих,
Я от подранка гнал коня назад
И плетью бил загонщиков и ловчих.

Я видел – наши игры с каждым днём
Всё больше походили на бесчинства.
В проточных водах по ночам, тайком
Я отмывался от дневного свинства.

Я прозревал, глупея с каждым днём,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век и люди в нём
Не нравились. И я зарылся в книги.

Мой мозг, до знаний жадный как паук,
Всё постигал: недвижность и движенье.
Но толка нет от мыслей и наук,
Когда повсюду им опроверженье.

С друзьями детства перетёрлась нить, –
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над вопросом «быть, не быть»,
Как над неразрешимую дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед.
В него мы стрелы мечем – в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.

Зов предков слыша сквозь затихший гул,
Пошёл на зов, – сомненья крались с тылу,
Груз тяжких дум наверх меня тянул,
А крылья плоти вниз влекли, в могилу.

В непрочный сплав меня спаяли дни –
Едва застыв, он начал расползаться.
Я пролил кровь, как все, и – как они,
Я не сумел от мести отказаться.

А мой подъём пред смертью – есть провал.
Офелия! Я тленья не приемлю.
Но я себя убийством уравниал
С тем, с кем я лёг в одну и ту же землю.

Я, Гамлет, я насилье презирал,
Я наплевал на Датскую корону.
Но в их глазах – за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону.

Но гениальный всплеск похож на бред,
В рожденьи смерть проглядывает косо.
А мы всё ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса.

Моя цыганская

В сон мне – жёлтые огни,
И хриплю во сне я:
«Повремени, повремени –
Утро мудренее!»
Но и утром всё не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьешь с похмелья.

В кабаках – зелёный штоф,
Белые салфетки, –

Рай для нищих и шутов,
Мне ж – как птице в клетке.
В церкви – смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан...
Нет! И в церкви всё не так,
Всё не так, как надо!

Я – на гору впопыхах,
Чтоб чего не вышло, –
На горе стоит ольха,
А под горою – вишня.
Хоть бы склон увит плющом –
Мне б и то отрада,
Хоть бы что-нибудь ещё...
Всё не так, как надо!

Я – по полю вдоль реки:
Света – тьма, нет Бога!
В чистом поле – васильки,
Дальняя дорога.
Вдоль дороги – лес густой
С бабами-ягами,
А в конце дороги той –
Плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги всё не так,
А в конце – давно.
И ни церковь, ни кабак –
Ничего не свято!
Нет, ребята, всё не так!
Всё не так, ребята...

Памятник

Я при жизни был рослым и стройным,
Не боялся ни слова, ни пули
И в привычные рамки не лез.
Но с тех пор, как считаюсь покойным,
Охромил меня и согнули,
К пьедесталу прибавив «Ахиллес».

Не стряхнуть мне гранитного мяса
И не вытащить из постамента
Ахиллесову эту пяду,
И железные рёбра каркаса

Мёртво схвачены слоем цемента –
Только судороги по хребту.

Я хвалился косою саженью –
Нате смерти!
Я не знал, что подвергнусь суженью
После смерти.
Но в обычные рамки я всажен, –
На спор вбили,
А косою неровную саженьь –
Распрямили.

И с меня, когда взял я да умер,
Живо маску посмертную сняли
Расторопные члены семьи.
И не знаю, кто их надоумил,
Только с гипса вчистую стесали
Азиатские скулы мои.

Мне такое не мнилось, не снилось,
И считал я, что мне не грозило
Оказаться всех мёртвых мертвей,
Но поверхность на слепке лоснилась,
И могильною скукой сквозило
Из беззубой улыбки моей.

Я при жизни не клал тем, кто хищный,
В пасти палец,
Подходившие с меркой обычной –
Опасались, –
Но по снятии маски посмертной –
Тут же, в ванной,
Гробовщик подошёл ко мне с меркой
Деревянной...

А потом, по прошествии года, –
Как венец моего исправленья –
Крепко сбитый литой монумент
При огромном скопленье народа
Открывали под бодрое пенье,
Под моё – с намагниченных лент.

Тишина надо мной раскололась,
Из динамиков хлынули звуки,
С крыш ударил направленный свет,
Мой отчаяньем сорванный голос

Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет.

Я немел, в покрывало упрятан, –
Все там будем!

Я орал в то же время кастратом
В уши людям.

Саван сдёрнули – как я обужен! –
Нате смерти!

Неужели такой я вам нужен
После смерти?!

Командора шаги злы и гулки!
Я решил: как во времени оном,
Не пройтись ли, по плитам звеня? –
И шарахнулись толпы в проулки,
Когда вырвал я ногу со стоном
И осыпались камни с меня.

Накренился я – гол, безобразен, –
Но и падая – вылез из кожи,
Дотянулся железной клюкой,
И когда уже грохнулся наземь,
Из разодранных рупоров всё же
Прохрипел я: Похоже – живой!»

И паденье меня и согнуло,
И сломало,
Но торчат мои острые скулы
Из металла!
Не сумел я, как было угодно –
Шито-крыто.
Я, напротив, ушёл всенародно
Из гранита.

Прерванный полет

Кто-то высмотрел плод, что неспел, неспел,
Потрусили за ствол – он упал, упал...
Вот вам песня о том, кто не спел, не спел,
И что голос имел – не узнал, не узнал.

Может, были с судьбой нелады, нелады,
И со случаем плохи дела, дела,
А тугая струна на лады, на лады
С незаметным изъязном легла.

Он начал робко – с ноты «до»,
Но не допел её не до...
Недозвучал его аккорд, аккорд
И никого не вдохновил...
Собака лаяла, а кот
Мышей ловил...

Смешно! Не правда ли, смешно! Смешно!
А он шутил – недошутил,
Недораспробовал вино
И даже недопригубил.

Он пока лишь затеивал спор, спор
Неуверенно и не спеша,
Словно капельки пота из пор,
Из-под кожи сочилась душа.

Только начал дуэль на ковре,
Еле-еле, едва приступил.
Лишь чуть-чуть осмотрелся в игре,
И судья ещё счет не открыл.

Он хотел знать всё от и до,
Но не добрался он, не до...
Ни до догадки, ни до дна,
Не докопался до глубин,
И ту, которая одна,
Не долюбил, не долюбил!

Смешно, не правда ли, смешно?
А он спешил – недоспешил.
Осталось недорешено,
Всё то, что он недорешил.

Ни единою буквой не лгу –
Он был чистого слога слуга,
И писал ей стихи на снегу, –
К сожалению, тают снега.

Но тогда ещё был снегопад
И свобода писать на снегу.
И большие снежинки и град
Он губами хватал на бегу.

Но к ней в серебряном ландо
Он не добрался и не до...
Не добежал, бегун-беглец,
Не долетел, не доскакал,

А звёздный знак его – Телец –
Холодный Млечный Путь лакал.

Смешно, не правда ли, смешно,
Когда секунд недостаёт, –
Недостающее звено –
И недолёт, и недолёт.

Смешно, не правда ли? Ну, вот, –
И вам смешно, и даже мне.
Конь на скаку и птица влёт, –
По чьей вине, по чьей вине?

При всякой погоде –
Раз надо, так надо –
Мы в море уходим
Не на день, не на два.

А на суше – ромашка и клевер,
А на суше – поля залило, –
Но и птицы летят на Север,
Если им надоест тепло.

Не заходим мы в порты –
Раз надо, так надо, –
Не увидишь Босфор ты,
Не увидишь Канады.

Море бурное режет наш сейнер,
И подчас без земли тяжело, –
Но и птицы летят на Север,
Если им надоест тепло.

По дому скучаешь –
Не надо, не надо, –
Зачем уплываешь
Не на день, не на два!

Ведь на суше – ромашка и клевер,
Ведь на суше – поля залило...
Но и птицы летят на Север,
Если им надоест тепло.

Побег на рывок

Вадиму Туманову

Был побег на «рывок» –
Наглый, глупый, дневной, –
Вологодского – с ног
И – вперёд головой.

И запрыгали двое,
В такт сопя на бегу,
На виду у конвоя
Да по пояс в снегу.

Положен строй в порядке образцовом,
И взвыла «Дружба» – старая пила,
И осенили знаменьем свинцовым
С очухавшихся вышек три ствола.

Все лежали плашмя,
В снег уткнули носы, –
А за нами двумя –
Бесноватые псы.

Девять граммов горячие,
Аль вам тесно в стволах!
Мы на мушках корячились,
Словно как на колах.

Нам – добежать до берега, до цели, –
Но свыше – с вышек – все предрешиено:
Там у стрелков мы дёргались в прицеле –
Умора просто, до чего смешно.

Вот бы мне посмотреть,
С кем отправился в путь,
С кем рискнул помереть,
С кем затеял рискнуть!

Где-то виделись будто, –
Чуть очухался я –
Прохрипел: «Как зовут-то?
И – какая статья?»

Но поздно: зачеркнули его пули –
Крестом – в затылок, пояс, два плеча, –
А я бежал и думал: добегу ли? –
И даже не заметил сгоряча.

Я – к нему, чудаку:
Почему, мол, отстал?
Ну а он – на боку
И мозги распластал.

Пробрало! – телогрейка
Аж просохла на мне:
Лихо бьет трехлинейка –
Прямо как на войне!

Как за грудки, держался я за камни:
Когда собаки близко — не беги!
Псы покروпили землю языками –
И разбрелись, слизав его мозги.

Приподнялся и я,
Белый свет стервены, –
И гляжу – кумовья
Поджидают меня.

Пнули труп: «Эх, скотина!
Нету проку с него:
За поимку — полтина,
А за смерть – ничего».

И мы прошли гуськом перед бригадой,
Потом – за вахту, отряхнувши снег:
Они обратно в зону – за наградой,
А я – за новым сроком за побег.

Я сначала грубил,
А потом перестал.
Целый взвод меня бил –
Аж два раза устал.

Зря пугают тем светом, –
Тут – с дубьем, там – с кнутом:
Врежут там – я на этом,
Врежут здесь – я на том.

Я гордость под исподнее упрятал –
Видал, как пятки лижут гордецы, –
Пошёл лизать я раны в лизолятор, –
Не зализал – и вот они, рубцы.

Эх бы нам – вдоль реки, –
Он был тоже не слаб, –
Чтобы им – не с руки,
А собакам – не с лап!..

Вот и сказке конец.
Зверь бежал на ловца.
Снёс – как срезал – ловец
Беглецу пол-лица.

...Все взято в трубы, перекрыты краны, –
Ночами только воют и скулят,
Что надо, надо сыпать соль на раны:
Чтоб лучше помнить – пусть они болят!

Разговор с палачом

Когда я об стену разбил лицо и члены
И всё, что только было можно, произнёс,
Вдруг сзади тихое шептанье раздалось:
«Я умоляю вас, пока не трожьте вены.

При ваших нервах и при вашей худобе
Не лучше ль чаю? Или огненный напиток?
Чем учинять членовредительство себе,
Оставьте что-нибудь нетронутым для пыток. –

Он сказал мне, – приляг,
Успокойся, не плачь, –
Он сказал, – я не враг,
Я – твой верный палач.

Уж не за полночь – за три,
Давай отдохнём.
Нам ведь всё-таки завтра
Работать вдвоём».

«Чем чёрт не шутит, что ж, – хлебну, пожалуй, чаю,
Раз дело приняло приятный оборот,
Но ненавижу я весь ваш палачий род –
Я в рот не брал вина за вас – и не желаю!»

Он попросил: «Не трожьте грязное бельё.
Я сам к палачеству пристрастья не питаю.
Но вы войдите в положение моё –
Я здесь на службе состою, я здесь пытаю,

Молчаливо, прости,
Счёт веду головам.
Ваш удел – не ахти,
Но завидую вам.

Право, я не шучу,
Я смотрю делово:
Говори, что хочу,
Обзывай хоть кого. –

Он был обсыпан белой перхотью, как содой,
Он говорил, сморкаясь в старое пальто, –
Приговорённый обладает, как никто,
Свободой слова, то есть подлинной свободой».

И я избавился от острой неприязни
И посочувствовал дурной его судьбе.
Спросил он: «Как ведете вы себя на казни?»
И я ответил: «Вероятно, так себе...»

Ах, прощенья прошу, –
Важно знать палачу,
Что, когда я вишу,
Я ногами сучу.

Да у плахи сперва
Хорошо б подмели,
Чтоб, упавши, глава
Не валялась в пыли».

Чай закипел, положен сахар по две ложки.
«Спасибо!» – «Что вы? Не извольте возражать!
Вам скрутят ноги, чтоб сученья избежать,
А грязи нет – у нас ковровые дорожки».

Ах, да неужто ли подобное возможно!
От умиленья я всплакнул и лёг ничком.
Потрогав шею мне легко и осторожно,
Он одобрительно поцокал языком.

Он шепнул: «Ни гугу!
Здесь кругом стукачи.
Чем смогу – помогу,
Только ты не молчи.

Стану ноги пилить –
Можешь ересь болтать,
Чтобы казнь отдалить,
Буду дольше пытаться».

Не ночь пред казнью, а души отдохновенье!
А я – уже дожидаться утра не могу,
Когда он станет жечь меня и гнуть в дугу,
Я крикну весело: остановись, мгновенье!

«...И можно музыку заказывать при этом,
Чтоб стоны с воплями остались на губах».
Я, признаюсь, питаю слабость к менуэтам,
Но есть в коллекции у них и Оффенбах.

«Будет больно – поплачь,
Если невоготу», –
Намекнул мне палач.
Хорошо, я учту.

Подбодрил меня он,
Правда, сам загрустил –
Помнят тех, кто казнён,
А не тех, кто казнил.

Развлёк меня про гильотину анекдотом,
Назвав её карикатурой на топор:
«Как много миру дал голов французский двор!...»
И посочувствовал наивным гугенотам.

Жалел о том, что кол в России упразднён,
Был оживлён и сыпал датами привычно,
Он знал доподлинно – кто, где и как казнён,
И горевал о тех, над кем работал лично.

«Раньше, – он говорил, –
Я дровишки рубил,
Я и стриг, я и брил,
И с ружьишком ходил.

Тратил пыл в пустоту
И губил свой талант,
А на этом посту
Повернулось на лад».

Некстати вспомнил дату смерти Пугачева,
Рубил – должно быть, для наглядности, – рукой.
А в то же время знать не знал, кто он такой, –
Невелико образование палачёво.

Парок над чаем тонкой змейкой извивался,
Он дул на воду, грея руки о стекло.
Об инквизиции с почтеньем отозвался
И об опричниках – особенно тепло.

Мы гоняли чай –
Вдруг палач зарыдал –
Дескать, жертвы мои
Все идут на скандал.

«Ах, вы тяжкие дни,
Палачёва стерня.
Ну за что же они
Невидят меня?»

Он мне поведал назначенье инструментов.
Всё так не страшно – и палач как добрый врач.
«Но на работе до поры всё это прячь,
Чтоб понапрасну не нервировать клиентов.

Бывает, только его в чувство приведёшь, –
Водой окатишь и поставишь Оффенбаха, –
А он примерится, когда ты подойдёшь,
Возьмёт и плюнет – и испорчена рубаха».

Накричали речей
Мы за клан палачей.
Мы за всех палачей
Пили чай – чай ничей.

Я совсем обалдел,
Чуть не лопнул, крича.
Я орал: «Кто посмел
Обижать палача!..»

Смежила веки мне предсмертная усталость.
Уже светало, наше время истекло.
Но мне хотя бы перед смертью повезло –
Такую ночь провёл, не каждому досталось!

Он пожелал мне доброй ночи на прощанье,
Согнал назойливую муху мне с плеча...
Как жаль, недолго мне хранить воспоминанье
И образ доброго чудного палача!

Расстрел горного эха

В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха,
На кручах таких, на какие никто не проник,
Жило-поживало весёлое горное эхо,
Оно отзывалось на крик – человеческий крик.

Когда одиночество комом подкатит под горло
И сдавленный стон еле слышно в обрыв упадёт, –
Крик этот о помощи эхо подхватит проворно,
Усилит и бережно в руки своих донесёт.

Должно быть, не люди, напившись дурмана и зелья,
Чтоб не был услышан никем громкий топот и храп, –

Пришли умертвить, обеззвучить живое ущелье.
И эхо связали, и в рот ему всунули кляп.

Всю ночь продолжалась кровавая злая потеха.
И эхо топтали, но звука никто не слышал.
К утру расстреляли притихшее горное эхо
И брызнули камни – как слёзы – из раненных скал...

Слева бесы, справа бесы.
Нет! По-новой мне налей!
Эти с нар, а те из кресел –
Не поймёшь, какие злей.

И куда, в какие дали?
На какой ещё маршрут?
Нас с тобою эти ввали
По этапу поведут!

Ну, а нам – что остаётся?
Дескать, горе – не беда?
Пей, дружище, если пьётся,
Всё пустыми – невода.

Что искать нам в этой жизни?
Править к пристани какой?
Ну-ка, солнце, ярче брызни!
Со святыми упокой...

Спасите наши души

Уходим под воду
В нейтральной воде.
Мы можем по году
Плывать на погоду,
А если накроют –
Локаторы взвоят
О нашей беде:

Спасите наши души!
Мы бредим от удущья.

Спасите наши души,
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше –
Наш SOS всё глуше, глуше,
И ужас режет души
Напополам!

И рвутся аорты,
Но наверх – не сметь!
Там слева по борту,
Там справа по борту,
Там прямо по ходу
Мешает проходу
Рогатая смерть!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души,
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше –
Наш SOS все глуше, глуше,
И ужас режет души
Напополам!

Но здесь мы на воле –
Ведь это наш мир!
Свихнулись мы, что ли –
Всплывать в минном поле?!
– А ну, без истерик!
Мы врежемся в берег! –
Сказал командир.

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души,
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше –
Наш SOS все глуше, глуше,
И ужас режет души
Напополам!

Всплывём на рассвете –
Приказ есть приказ.
Погибнуть в ответе –
Уж лучше при свете!
Наш путь не отмечен.

Нам нечем... Нам нечем!..
Но помните нас!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души,
Спешите к нам!

Услышьте нас на суше –
Наш SOS все глуше, глуше,
И ужас режет души
Напополам!

Вот вышли наверх мы,
Но выхода нет!
Ход полный на верфи,
Натянуты нервы.
Конец всем печалям,
Концам и началам –
Мы рвёмся к причалам
Заместо торпед!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души,
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше –
Наш SOS все глуше, глуше,
И ужас режет души
Напополам!

Сыновья уходят в бой

Сегодня не слышно биенья сердец –
Оно для аллей и беседок.
Я падаю, грудью хватая свинец,
Подумать успев напоследок:

«На этот раз мне не вернуться,
Я ухожу – придёт другой».
Мы не успели, не успели оглянуться –
А сыновья, а сыновья уходят в бой!

Вот кто-то, решив: «После нас – хоть потоп»,
Как в пропасть шагнул из окопа.
А я для того свой покинул окоп,
Чтоб не было вовсе потопа.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землёй.
Мы не успели, не успели оглянуться –
А сыновья, а сыновья уходят в бой!

Кто сменит меня, кто в атаку пойдёт?
Кто выйдет к заветному мосту?

И мне захотелось – пусть будет вон тот,
Одетый во всё не по росту.

Я успеваю улыбнуться,
Я видел, кто придёт за мной.
Мы не успели, не успели оглянуться –
А сыновья, а сыновья уходят в бой!

Разрывы глушили биенье сердец,
Моё же мне громко стучало,
Что всё же конец мой – ещё не конец:
Конец – это чьё-то начало.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землёй.
Мы не успели, не успели оглянуться –
А сыновья, а сыновья уходят в бой!

Чужая колея

Сам виноват – и слёзы лью,
И охаю –
Попал в чужую колею
Глубокую.
Я цели намечал свои
На выбор сам,
А вот теперь из колеи
Не выбраться.

Крутые скользкие края
Имеет эта колея.
Я кляню проложивших её, –
Скоро лопнет терпенье моё,
И склоняю как школьник плохой,
Колею, в колее, с колеёй...

Но почему неймётся мне?
Нахальный я!
Условия, в общем, в колее
Нормальные.
Никто не стукнет, не притрёт –
Не жалуйся.
Желаешь двигаться вперёд?
Пожалуйста!

Отказа нет в еде-питье
В уютной этой колее,

И я живо себя убедил –
Не один я в неё угодил.
Так держать! Колесо в колесе!
И доеду туда, куда все.

Вот кто-то крикнул сам не свой:
– А ну, пусти! –
И начал спорить с колеёй
По глупости.
Он в споре сжёг запас до дна
Тепла души,
И полетели клапана
И вкладыши.

Но покорежил он края,
И шире стала колея.
Вдруг его обрывается след –
Чудака оттащили в кювет,
Чтоб не мог он нам, задним, мешать
По чужой колее проезжать.

Вот и ко мне пришла беда –
Стартёр заел.
Теперь уж это не езда,
А ёрзанье.
И надо б выйти, подтолкнуть,
Но прыти нет, –
Авось подъедет кто-нибудь –
И вытянет...

Напрасно жду подмоги я –
Чужая эта колея.
Расплеваться бы глиной и ржой
С колеёй этой самой – чужой, –
Тем, что я её сам углубил,
Я у задних надежду убил.

Прошиб меня холодный пот
До косточки,
И я прошелся чуть вперёд
По досточке.
Гляжу – размыли край ручьи
Весенние,
Там выезд есть из колеи –
Спасение!

Я грязью из-под шин плюю
В чужую эту колею.
Эй, вы, задние! Делай, как я.
Это значит – не надо за мной.
Колея эта – только моя!
Выбирайтесь своей колеёй.

Предп. В. Высоцкий

О том, что в жизни не сбылось,
Жалеть, наверное, не стоит.
Верченье беличьих колёс,
Увы, занятие пустое.

Но я мечтаю лишь о том,
Пока мой путь земной не кончен,
Что на холме увижу дом
И трону тихий колокольчик.

И после странствий и тревог
К ступеням дома припаду я,
И величавый грустный дог
Лизнет мне бороду седую.

На ветке птица засвистит,
И хлынет в лёгкие прохлада,
И все потери возместит
Судьбы прощальная награда.

Пускай усталый и хромой,
Пускай до крови сбиты ноги,
И посох с нищенской сумой
Пусть мне достанется в итоге.

Пусть лишь сухарь в моей суме,
Но я оставил за собою
Виденье дома на холме
И гул далекого прибоя.

Винювники найдены

*...Может быть, десяток
неизвестных рифм
Только и остался,
что в Венесуэле...
(В.Маяковский)*

Установлены сроки и цены
(По морям, по волнам),
И в далёкий путь между рифами
(По морям, по волнам)...
Установлены сроки и цены,
И в далекий путь между рифами
Повезли нам из Венецуэлы
Два контейнера с новыми рифмами
По морям, по волнам, по морям, по волнам,
По морям, по волнам!

Так, с пшеницей и ананасами
(По морям, по волнам),
Плыли рубленные и дольные
(По морям, по волнам)...
Так, с пшеницей и ананасами,
Плыли рубленные и дольные,
Современные, ассонансные, —
Не какие-нибудь глагольные!
По морям, по волнам, по морям, по волнам,
По морям, по волнам...

Не снимает радист наушники
(По морям, по волнам),
А корабль подплывает к пристани
(По морям, по волнам)...
Не снимает радист наушники,
А корабль подплывает к пристани,
Но биндюжники есть биндюжники! —
Два бочонка с рифмами свистнули.
По морям, по волнам, по морям, по волнам,
По морям, по волнам...

Хоть всю землю шагами выстели
(По морям, по волнам),
Хоть расспрашивай всех и каждого
(По морям, по волнам)...

Хоть всю землю шагами выстели,
Хоть расспрашивай всех и каждого,
С чем рифмуется слово ИСТИНА –
Не узнать ни поэтам, ни гражданам!
По морям, по волнам, по морям, по волнам,
По морям, по волнам...

Виноваты во всём биндюжники!

Заклинание Добра и Зла

Здесь в окне, по утрам, просыпается свет,
Здесь мне всё, как слепому, на ощупь знакомо...
Уезжаю из дома!
Уезжаю из дома!
Уезжаю из дома, которого нет.

Это дом и не дом. Это дым без огня.
Это пыльный мираж или Фата-Моргана.
Здесь Добро в сапогах, рукояткой нагана
В дверь стучало мою, надзирая меня.

А со мной кочевало беспечное Зло,
Отражало вторженья любые попытки,
И кофейник с кастрюлькой на газовой плитке
Не дурили и знали свое ремесло.

Все смешалось – Добро, Равнодушие, Зло.
Пел сверчок деревенский в московской квартире.
Целый год благодати в безрадостном мире –
Кто из смертных не скажет, что мне повезло?!

И пою, что хочу, и кричу, что хочу,
И хожу в благодати, как нищий в обновке.
Пусть движенья мои в этом платье неловки –
Я себе его сам выбирал по плечу!

Но Добро, как известно, на то и Добро,
Чтоб уметь притвориться и добрым, и смелым,
И назначить, при случае, чёрное – белым,
И весёлую ртуть превращать в серебро.

Всё причастно Добру,
Всё подвластно Добру.
Только с этим Добрынею взятки не гладки.
И готов я бежать от него без оглядки
И забиться, зарыться в любую нору!..

Первым сдался кофейник:
Его разнесло,
Заливая конфорки и воздух поганя...
И Добро прокричало, гремя сапогами,
Что во всем виновато беспечное Зло!

Представитель Добра к нам пришёл поутру,
В милицейской (почудилось мне) плащ-палатке...
От такого, попробуй – сбеги без оглядки,
От такого, поди-ка, заройся в нору!

И сказал Представитель,почтительно строг,
Что дела выездные решают в ОВИРе,
Но что Зло не прописано в нашей квартире,
И что сутки на сборы – достаточный срок!

Что ж, прощай, мое Зло!

Мое доброе Зло!

Ярым воском закапаны строчки в псалтыри.
Целый год благодати в безрадостном мире –
Кто из смертных не скажет, что мне повезло!

Что ж, прощай и – прости!

Набухает зерно.

Корабельщики ладят смолёные доски.
И страницы псалтыри – в слезах, а не в воске,
И прощальное в кружках гуляет вино!

Я растил эту ниву две тысячи лет –
Не пора ль поспешить к своему урожаю?!
Не грусти!
Я всего лишь навек уезжаю
От Добра и из дома –
Которого нет!

Летят утки

Посвящается Л.Пинскому

С севера, с острова Жестева
Птицы летят,
Шестеро, шестеро, шестеро
Серых утят,
Шестеро, шестеро к югу летят...

Хватит хмуриться, хватит злобиться,
Ворошить вороха былого!..
Но когда по ночам бессонница –
Мне на память приходит снова:

Мутный за тайгу
Ползёт закат,
Строем на снегу
Пятьсот зэка.

Ветер мокрый хлестал мочалкою,
То накатывал, то откатывал,
И стоял вертухай с овчаркою
И такую им речь откалывал:

«Ворон, растудить, не выключет
Глаз, растудить, ворону,
Но ежели кто закосит, –
Тот мордой в снег,
И прошу, растудить, запомнить,
Что каждый шаг в сторону
Будет, растудить, рассматриваться
Как, растудить, побег!..»

Вьюга полярная спятила –
Бьёт наугад!
А пятеро, пятеро, пятеро
Дальше летят,
Пятеро, пятеро к югу летят...

Ну, а может, и впрямь бессовестно
Повторяться из слова в слово?!
Но когда по ночам бессонница –
Мне на память приходит снова:

Не косят, не корчатся
В снегах зэка,
Разговор про творчество
Идет в ЦК.

Репортеры сверкали линзами,
Кремом бритвенным сверкала харя,
Говорил вертухай прилизанный,
Непохожий на вертухая:

«Ворон, извиняюсь, не выключет
Глаз, извиняюсь, ворону,
Но все ли сердцем усвоили
Чему учит нас Имярек?!
И прошу, извиняюсь, запомнить,
Что каждый шаг в сторону
Будет, извиняюсь, рассматриваться
Как, извиняюсь, побег!»

Грянул прицельно с надветренной
В сердце заряд,
А четверо, четверо, четверо
Дальше летят!..

И если долетит хоть один,
Если даже никто не долетит,
Всё равно стоило,
Всё равно надо было лететь!..

Про маляров, истопника и теорию относительности

...Чуйствуем с напарником: ну и ну!
Ноги прямо ватные, всё в дыму.
Чуйствуем – нуждаемся в отдыхе,
Чтой-то нехорошее в воздухе.

Взяли «Жигулевское» и «Дубняка»,
Третьим пригласили истопника,
Приняли, добавили ещё раза, –
Тут нам истопник и открыл глаза

На ужасную историю
Про Москву и про Париж,
Как наши физики проспорили
Ихним физикам пари,
Ихним физикам пари!

Все теперь на шарике вкось и вскочь,
Шиворот-навыворот, набекрень,
И что мы с вами думаем день – ночь!
А что мы с вами думаем ночь – день!

И рубают финики лопари,
А в Сахаре снегу – невпроворот!
Это гады-физики на пари
Раскрутили шарик наоборот.

И там, где полюс был – там тропики,
А где Нью-Йорк – Нахичевань,
А что мы люди, а не бобики,
Им на это начихать,
Им на это начихать!

Рассказал нам всё это истопник,
Вижу – мой напарник ну прямо сник!
Раз такое дело – гори огнём! –
Больше мы малярничать не пойдём!

Взяли в поликлиники бюллетень,
Нам башку работою не морочь!
И что ж тут за работа, если ночью – день,
А потом обратно не день, а ночь?!

И при всём квалификации
тут возможен перекося:
Это всё ж таки радиация,
А не просто купорос,
А не просто купорос!

Пятую неделю я хожу больной,
Пятую неделю я не сплю с женой.
Тоже и напарник мой плачется:
Дескать, он отравленный начисто.

И лечусь «Столичною» лично я,
Чтобы мне с ума не стронуться:
Истопник сказал, что «Столичная»
Очень хороша от стронция!

И то я верю, а то не верится,
Что минует та беда...
А шарик вертится и вертится,
И всё время – не туда,
И всё время – не туда!

Николай ГУМИЛЕВ

Рай

Апостол Пётр, бери свои ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

Коллоквиум с отцами церкви там
Покажет, что я в догматах был прям.

Георгий пусть поведаёт о том,
Как в дни войны сражался я с врагом.

Святой Антоний может подтвердить,
Что плоти я никак не мог смирить.

Но и святой Цецилии уста
Прошепчут, что душа моя чиста.

Мне часто снились райские сады,
Среди ветвей румяные плоды,

Лучи и ангельские голоса,
Внемировой природы чудеса.

И знаешь ты, что утренние сны
Как предзнаменованья нам даны.

Апостол Пётр, ведь если я уйду
Отвергнутым, что делать мне в аду?

Моя любовь растопит адский лёд,
И адский огонь слеза моя зальёт.

Перед тобою тёмный серафим
Появится ходатаем моим.

Не медли более, бери ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

Счастье

1

Больные верят в розы майские,
И нежны сказки нищеты.
Заснув в тюрьме, виденья райские
Наверняка увидишь ты.
Но нет тревожней и заброшенной –
Печали посреди шелков,
И я принцессе на горошине
Всю кровь мою отдать готов.

2

«Хочешь, горбун, поменяться
Своею судьбой с моей,
Хочешь шутить и смеяться,
Быть вольной птицей морей?» –
Он подозрительным взглядом
Смерил меня всего:
«Уходи, не стой со мной рядом,
Не хочу от тебя ничего!»

3

У муки столько струн на лютне,
У счастья нету ни одной,
Взлетевший в небо бесприютней,
Чем опустившийся на дно.
И Заклинающий проказу,
Сказавший деве – талифа!..
...Ему дороже нищий Лазарь
Великолепного волхва.

4

Ведь я не грешник, о Боже,
Не святотатец, не вор,
И я верю, верю, за что же
Тебя не видит мой взор?
Ах, я не живу в пустыне,
Я молод, весел, пою,
И Ты, я знаю, отринешь
Бедную душу мою!

5

В мой самый лучший, светлый день,
В тот день Христова Воскресенья,
Мне вдруг примнилось искупленье,
Какого я искал везде.
Мне вдруг почудилось, что, нем,
Изранен, наг, лежу я в чаше,
И стал я плакать надо всем
Слезами радости кипящей.

Леонид ДЕРБЕНЁВ

Миг

(Песня из кинофильма «Земля Санникова»)

Призрачно всё в этом мире бушующем,
Есть только миг – за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим, –
Именно он называется жизнь.

Вечный покой сердце вряд ли обрадует,
Вечный покой – для седых пирамид.
А для звезды, что сорвалась и падает
Есть только миг – ослепительный миг.

Пусть этот миг вдаль летит сквозь столетия,
Но не всегда по дороге мне с ним,
Чем дорожу, чем рискую на свете я?
Мигом одним, только мигом одним.

Счастье дано повстречать иль беду ещё
Есть только миг – за него и держись!
Есть только миг между прошлым и будущим, –
Именно он называется жизнь.

Анна Снегина (отрывок)

«Ну что же, вставай, Сергуша!
Ещё и заря не текла,
Старуха за милую душу
Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной.
Ей
Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!
Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдаёт росяница
На яблонях белых в саду.
Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько заруют ещё!..
И чувствую в скулах упрямых
Жестокою судоргу щёк.

Нет, нет!
Не пойду навеки!
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калке
Пятак или гривенник в грязь.

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосёт глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и мёдом
По церквам твой кроткий Спас.

И гудит за корогодом
На лугах весёлый пляс.

Побегу по мятой стёжке
На приволь зелёных лех,
Мне навстречу, как серёжки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твоё тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только жёлтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберёг
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветём и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот и весёлый свист.

Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далёкие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нём печать.
Розу белую с чёрною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились –
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, –

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Ответ

Старушка милая,
Живи, как ты живёшь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймёшь –
Чем я живу
И чем я в мире занят.

Теперь у вас зима.
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,

Как будто кто
Черёмуху качает
И осыпает
Снегом у окна.

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И – что тебя хоронят.

Так будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поёт она плакидой –
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Её одну
Я жду и призываю!

Но эта пакость –
Хладная планета!
Её и Солнцем-Лениным
Пока не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта

Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

Но время будет,
Милая, родная!
Она придёт, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот – у пера.

Забудь про деньги ты,
Забудь про всё.
Какая гибель?!
Ты ли это, ты ли?
Ведь не корова я,
Не лошадь, не осёл,
Чтобы меня
Из стойла выводили!

Я выйду сам,
Когда настанет срок,
Когда пальнуть
Придётся по планете,
И, воротясь,
Тебе куплю платок,
Ну, а отцу
Куплю я штуки эти.

Пока ж – идёт метель,
И тысячей дьячков
Поёт она плакидой –
Сволочь-вьюга.
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга.

Пантократор

1

Славь, мой стих, кто ревет и бесится,
Кто хоронит тоску в плече,
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.

Тысячи лет те же звёзды славятся,
Тем же мёдом струится плоть.

Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, господь.

За седины твои кудрявые,
За копейки с золотых осин
Я кричу тебе: «К чёрту старое!»,
Непокорный, разбойный сын.

И за эти щедроты тёплые,
Что сочишь ты дождями в муть,
О, какими, какими мётлами
Это солнце с небес стряхнуть?

2

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей,
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.

Он Медведицей с лазури –
Как из бочки черпаком.
В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом.

В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад,
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат.

Отче, отче, ты ли внука
Услыхал в сей скорбный срок?
Знать, недаром в сердце мукал
Издыхающий телок.

3

Кружися, кружися, кружися,
Чекань твоих дней серебро!
Я понял, что солнце из выси –
В колодезь золотое ведро.

С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу мою душу
На это горящее дно.

Но знаю – другими очами
Умершие чувят живых.
О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.

Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

4

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе – дугой,
Полярный круг – на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Хвостом земле ты прицепись,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.

Что ж так имя твоё звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберёг
Для тебя, для неё и для этой.
Невесёлого счастья залог –
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам.
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита жёлтая дорога,
И та, чьё имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернусь я в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зелёный вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роня вёсла по озёрам...
И Русь всё так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Антонина КАКОВИДИ (Тошка)

Финголфин

Чёрное небо пронзила боль.
Ночь встрепенулась от звуков рога.
Знал ли хоть кто-то, что Мой Король
Гонит к Полуночи единорога?

Если и знал, то решил молчать –
Только безумцам даётся чудо.
Может быть, пламя его меча
Мир осветит? – Подождём покуда.

Мудрый сказал, что земля – юдоль,
Юный сказал, что земля – дорога.
Споры бушуют, а Мой Король
Гонит к Полуночи единорога.

Тёмные башни. Ворот булат.
Враг твой силён, но не хочет боя.
Враг твой такой же, как ты солдат,
Только на флагах его – иное.

В нём узнаёшь свой упрямый нрав,
Гордость и честь, неприятие лести.
Холод и жуть – оттого, что прав
Каждый из вас, но не быть вам вместе.

Видишь, как Враг узнаёт в тебе
Горечь свою и свои печали,
Те же проклятья чумной судьбе,
Вас разделявшей всегда мечами.

Самое страшное – всё понять
И, почитая врага, как брата,
Взгляд опустить, а клинок поднять –
Брошенный вызов не взять обратно.

Может, не смерть, а иную роль
Принял он там, перед Тьмы порогом?..
Может, по-прежнему Мой Король
Гонит к Полуночи единорога...

Дмитрий КЕДРИН

Бог

Скоро-скоро, в жёлтый час заката,
Лишь погаснет неба бирюза,

Я закрою жадные когда-то,
А теперь – усталые глаза.
И когда я стану перед Богом,
Я скажу без трепета ему:
«Знаешь, Боже, зла я сделал много,
А добра, должно быть, никому.

Но смешно попасть мне к чёрту в руки,
Чтобы он сварил меня в котле:
Нет в аду такой кромешной муки,
Чтоб не знал я горше – на Земле!»

Редьярд КИПЛИНГ

Пыль (Пехотные колонны)

День-ночь-день-ночь – мы идём по Африке,
День-ночь-день-ночь – всё по той же Африке
(Пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Восемь-шесть-двенадцать-пять – двадцать миль на этот раз,
Три-двенадцать-двадцать-две – восемнадцать миль вчера
(Пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Брось-брось-брось – видеть то, что впереди
(Пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Все-все-все – от неё сойдут с ума,
И отпуска нет на войне!

Ты-ты-ты – пробуй думать о другом,
Бог-мой-дай-сил – обезуметь не совсем!
(Пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Счёт-счёт-счёт – пулям в кушаке веди,
Чуть-сон-взял-верх – задние тебя сомнут
(Пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Для-нас-всё-вздор – голод, жажда, длинный путь,
Но-нет-нет – хуже, чем всегда, одно –
Пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог,
Отпуска нет на войне!

Днём-все-мы-тут – и не так уж тяжело,
Но-чуть-лёг-мрак – снова только каблуки

(Пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Я-шёл-сквозь-ад – шесть недель, и я клянусь:
Там-нет-ни-тьмы – ни жаровен, ни чертей,
Лишь-пыль-пыль – от шагающих сапог,
И отпуска нет на войне!

(Перевод Ады Оношкович-Яцыны)

Владимир КОТОВ

Прописная истина

Истину эту в души врубали
Столетиями, не годами:
Дети рабов да будут рабами,
Дети господ – господами.
Демоны золота, крови и тьмы
Душили любую мечту.
«Довольно!» – однажды сказали мы
Ты знаешь, в каком году.
Мы – это дед твой и твой отец,
Старт небывалых сил!
Зарею умыт, в гимнастёрку одет,
Входил невиданный мир.
Чтоб каждому было вовек хорошо,
Чтоб жизнь человечья звенела,
Парнишка на фронт вместе с батькой ушел,
И конница бурей летела!
Радостный луч мирозданье прожёт,
Время новую ветвь отщепило,
Чтоб каждому было вовек хорошо,
А всем вместе ещё лучше было!
У павших подхватывали зарю,
И вновь, всюю контрой освистана...
Ты скажешь, приятель, что я говорю
Тебе прописные истины?
Ну что же, заслуга невелика
Теперь-то сказать это слово...
Но истину эту искали века,
А тебе её дали готовой,
Как воздух, как звёзды, как зелень ветвей,
Что солнечным светом порнизана...
Кровью отцов на планете моей
Истина эта прописана.

Кровью отцов и огнём батарей,
Взявших тебе рубежи.
Её прописали в жизни твоей –
Ты в сердце своём пропиши!

Олег ЛАДЫЖЕНСКИЙ

Баллада песни под виселицей

Его три раза вешали,
Три раза отпускали,
Да ну поэта к лешему! –
До дырок затаскали.
О бабах, что ли, брешет он?
Так это ж вор в законе!
Ходили слухи грешные
О Франсуа Вийоне.

Сто раз бывал под пыткой
По делу и без дела,
За душу слишком приткую
Ответ держало тело.
Гуляй, эпоха, веселись,
Рви с языка слова!
В тени высоких виселиц
Шатался Франсуа.

Поэту кушать хочется,
Поэту выпить хочется,
Поэты так же корчатся
От боли, как и прочие,
А как поэтов вешают
Под колокольный звон!
К чему потомков вмешивать?
Не правда ли, Вийон?!

Года средневековые,
Простые да хорошие,
Слова цепями скованы,
Слова в застенки брошены,
Была у инквизиции
Святейших подлецов
Почтенная традиция –
Плевать словам в лицо.

Наш век давно не каменный,
Труднее понимать его,

Одни Вийоны в камерах,
Другие – в хрестоматии.
К чему перемывать бельё
Всемирного сортира?
Да ну ко всем чертям её!
Изыди, сгинь, сатира!

Поэту кушать хочется,
Поэту выпить хочется,
А дуракам хохочется,
А головы морочатся,
Гуляй, эпоха, веселись,
Рви с языка слова!
Пока поют у виселиц,
Считай, что ты жива!

Зачем?!

Во все года, времена и века,
На островах и на материках,
Перо и кисть, резец и строка
Один вопрос задавали.
Один вопрос – а ответа всё нет!
Ушел во тьму за поэтом поэт,
Кто без следа, кто – оставив свой след,
Теперь попытка за вами!

Зачем
ты живёшь, человек?
Зачем
ты живёшь, человек?
Сквозь дождь и снег,
Сквозь слёзы и смех –
Зачем
ты живёшь, человек?!

Во все года, времена и века,
В монастырях и по кабакам,
Сердца и мозг, душа и рука
Один вопрос теребили.
Один вопрос – а десятки умов,
Один вопрос – а шеренги томов,
Как волны бьются о каменный мол,
Об этот вопрос разбились.

Зачем?..

О пощаде не моли – не дадут.
В полный голос, немо ли – не дадут.
Божья мельница, мели
Страшный суд!
Дайте сдохнуть на мели! – не дадут.

Хочешь жалости, глупец? – не дадут.
Хочешь малости, скопец? – не дадут.
Одиночество в толпе.
В ските – блуд.
Хочешь голоса, певец? – не дадут.

Разучившийся просить – не прошу,
Без надежды и без сил – не прошу.
Шут, бубенчиком тряси!
Смейся, шут!
Подаянья на Руси – не прошу.

Кто не с нами, значит, враг, – говорят.
Кто не плачет, тот дурак, – говорят.
Вольны соколы парят
По три в ряд.
Мне бы вскачь, да тут овраг, говорят...

Грязь под ногтем у Творца – это я.
Щит последнего бойца – это я.
Бремя сына, скорбь отца,
Выражение лица,
Смысл начала и конца – это я.

Стареем, брат, дуреем, брат,
Весной в дублёнках преем, брат,
И рад бы в небе реять, брат, –
Да вот, не реется...

Вчера юнцы, сейчас отцы,
А завтра отдадим концы,
И внуки скажут: "Молодцы!",
Устав надеяться.

Мы живы, брат, мы лживы, брат,
Мы в западне наживы, брат,
И ад глядит на наш канат –
Не время ль падать?!

Махнём рукой, найдём покой
И перемелемся мукой,
Укроемся сухой доской...
Душа, ты рада?

Не слушай, брат, бей в душу, брат,
Души меня подушкой, брат,
Стреляйся на опушке, брат,
Со мной, с проклятым!

Моя вина, что ночь пьяна,
Что бьет копытом Сатана,
Но встань со мной, к спине спина –
Останься братом.

Седы виски, горчат куски,
Белее мела кулаки,
Стоят в осаде старики,
Юнцов счастливей.

Гляди, пострел: я постарел,
Но я не сгнил и не сгорел,
И если снова ливень стрел –
Пусть будет ливень.

Михаил ЛЕРМОНТОВ

Маскарад (отрывок)

... Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастья и зла.
Иди любой дорогой:
Надейся и мечтай – вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела.
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне – и любишь, верю я, –
Но безотчётно, чувствами играя
И резвясь, как дитя.
Но я люблю иначе, я всё видел,
Всё перечувствовал, всё понял, всё узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал!
Сначала всё хотел, потом всё презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.

На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастья земли;
Так годы многие прошли!
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный.
Но ныне чёрствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный;
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм:
Боюсь осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,
Ни звук, исторгнутый мученьем, –
Тогда ты говоришь: меня не любит он!

Евгений ЛУКИН

В южной местности гористой
на краю пустыни длинной
рассказали гитаристу
про старинные руины.

Рассказали и гортанным
мёртвым именем назвали.
И ушёл он по барханам
к серым контурам развалин.

Брел по зыби золотистой –
просто так, из любопытства
поглядеть и возвратиться.
Поглядел – не возвратился.

Он нашёл меж серых склепов,
где кончался мёртвый город
оловянный серый слепок
с человеческого горла.

...Там, в толпе цветасто-тесной,
там, за белой толщей праха,
кто-то пел не просто песню,
кто-то пел не просто правду.

Значит, слово било в сердце,
убивало, помыкало,
коль одно осталось средство –
ковшик жидкого металла.

Но не знал палач усердный,
запечатав глотку эту,
что отлил в металле сером
первый памятник поэту.

Нет ни имени, ни лика.
В цепких пальцах легковесна
оловянная отливка,
отмыкающая песню.

...Храмы – рухнули. И ныне
равнодушно смотрят горы:
что осталось от твердыни?
Оловянный слепок с горла.

От прославленной столицы –
слиток серого металла...
Было страшно возвратиться,
страшно было взять гитару –

и начать, как начинали
до тебя, – отважно, скорбно,
точно зная, что в финале –
оловянный слепок с горла.

Записки сумасшедшего

1

Сам и праздную, и тризную,
только в церковь не иду –
по диагнозу с Отчизною
всё никак не совпаду.

2

Привычная пайка больничной баланды,
со шприцами хмурые мордоротины –
и всё понапрасну: отдельные банды
никак не сольются в понятие Родины.

Милый мой, действительность не лечится –
это установлено давно.

Данный бред зовётся «человечество» –
и другого, знаешь, не дано.

Мифология

Пегас начинал, к примеру,
простым боевым конём –
помог одолеть Химеру
тому, кто сидел на нём.
Стоптал её с полнаскока,
нахрапом ошеломив.
Сказать не могу, насколько
мне нравится этот миф!
Эллада от нас – далече.
К тому же с течением дней
пегасы пошли помельче,
страшилища – покрупней.
Пропорции и размеры
иные, чем в старину:
химеры – так уж химеры,
аж морда на всю страну!
Пугайся их, не пугайся,
но древле, теперь и впредь
иначе как на Пегасе
Химеру не одолеть.

На излёте века
Взял и ниспроверг
Злого человека
Добрый человек.
Из гранатомета –
Шлёп его, козла!
Стало быть, добро-то
Посильнее зла.

Петру

Приветствовать монарха стоя?
Не стучать в землю лбом?
Ты отнял самое святое –
Свободу быть рабом.

Пожелание

Дорогие мои привереды,
золотые мои правдолюбцы,
дай вам Бог не дожить до победы
долгожданных своих революций!
Лучше вёрсты сибирского тракта,
приговор, пронимающий дрожью,
чем увидеть, как горькая правда,
побеждая, становится ложью.

Речитатив

– Ой, не верь чеченцу!
Именем Аллаха
он тебе кинжалом
голову отрежет!
– Опасайся русских!
Помолясь во храме,
приползут на танках
и тебя зачистят!
– А ведь было время...
– Замолчи, безумец!
Мы тогда с тобою
были бездуховны!

Слова – достойны, речи – гладки,
И всё не врубимся в одно:
Что гений – это недостатки,
Каких нам сроду не дано.
Дразня, круглятся, что орехи
Из безупречной шелухи,
Их гениальные орехи
И гениальные грехи.

Сменили строй – как имя-отчество,
а изменились ненамного:
тогда – обожествляли общество,
теперь – обобществляем Бога.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются глазища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подкову, дарит за указом указ –
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина.

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Неоконченное

I
Любит? не любит? Я руки ломаю
и пальцы
разбрасываю разломавши
так рвут загадав и пускают
по маю
венчики встречных ромашек
пускай седины обнаруживает стрижка и бритьё
Пусть серебро годов вызванивает
уймою
надеюсь верую вовеки не придёт
ко мне позорное благоразумие
II
Уже второй
должно быть ты легла
А может быть
и у тебя такое
Я не спешу
и молниями телеграмм
мне незачем
тебя
будить и беспокоить

III

море уходит вспять
море уходит спать
Как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчёте
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид

IV

Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить
как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчёте и не к чему перечень
взаимных болей бед и обид
Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звёздной данью
в такие вот часы встаёшь и говоришь
векам истории и мирозданию

V

Я знаю силу слов я знаю слов набат
Они не те которым рукоплещут ложи
От слов таких срываются гроба
шагать четвёркою своих дубовых ножек
Бывают выбросят не напечатав не издав
Но слово мчится подтянув подпруги
звенит века и подползают поезда
лизать поэзии мозолистые руки
Я знаю силу слов Глядится пустяком
Опавшим лепестком под каблуками танца
Но человек душой губами костяком

Киев

Лапы елок,
 лапки,
 лапушки...
Все в снегу,
 а тёплые какие!

Будто в гости
 к старой,
 старой бабушке
я
 вчера
 приехал в Киев.
Вот стою
 на горке
 на Владимирской,
Ширь вовсю –
 не вымчать и перу!
Так
 когда-то,
 рассиявшись в выморозки,
Киевскую
 Русь
 оглядывал Перун.
А потом –
 когда
 и кто,
 не помню толком,
только знаю,
 что сюда вот
 по льду,
да и по воде,
 в порогах,
 волоком –
шли
 с дарами
 к Диру и Аскольду.
Дальше
 было солнце
 куполам в литавры.
– На колени, Русь!
 Согнись и стой. –
До сегодня
 нас
 Владимир гонит в лавры.
Плеть креста
 сжимает
 каменный святой.

Шли
из мест
таких,
которых нету глуше, –
прадеды,
прапрадеды
и пра пра пра!..
Много
всяческих
кровавых безделушек
здесь у бабушки
моей
по берегам Днепра.
Был убит
и снова встал Столыпин,
памятником встал,
вложивши пальцы в китель.
Снова был убит,
и вновь
дрожали липы
от пальбы
двенадцати правительств.
А теперь
встают
с Подола
дымы,
киевская грудь
гудит,
котлами грета.
Не святой уже –
другой,
земной Владимир
крестит нас
железом и огнем декретов.
Даже чуть
зарусофильствовал
от этой шири!
Русофильство,
да другого сорта.
Вот
моя
рабочая страна,
одна
в огромном мире.

– Эй!

Пуанкаре!

возьми нас?..

Чёрта!

Пусть ещё

последний,

старый батька

содрогает

плачем

лавры звонницы.

Пусть

ещё

врезается с Крещатика

волчий вой:

«Даю-беру червонцы!»

Наша сила –

правда,

ваша –

лавры звоны.

Ваша –

дым кадилыйный,

наша –

фабрик дым.

Ваша мощь –

червонец,

наша –

стяг червонный.

– Мы возьмём,

займём

и победим.

Здравствуй

и прощай, седая бабушка!

Уходи с пути!

скорее!

ну-ка!

Умирай, старуха,

спекулянтка,

набожка.

Мы идём –

ватага юных внуков!

Домой! (отрывок)

... Вот лежу,
уехавший за воды,
ленью
еле двигаю
моей машины части.
Я себя
советским чувствую
заводом,
вырабатывающим счастье.
Не хочу,
чтоб меня, как цветочек с полян,
рвали
после служебных тягот.
Я хочу,
чтоб в дебатах
потел Госплан,
мне давая
задания на год.
Я хочу,
чтоб над мыслью
времен комиссар
с приказанием нависал.
Я хочу,
чтоб сверхставками спеца
получало
любовищу сердце.
Я хочу,
чтоб в конце работы
завком
запирал мои губы
замком.
Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.
«Так, мол,
и так...
И до самых верхов

прошли
из рабочих нор мы:
в Союзе
Республик
пониманье стихов
выше
довоенной нормы...»

Юбилейное (отрывок)

...Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.

Навели
хрестоматийный глянец.

Вы
по-моему
при жизни
– думаю –

тоже бушевали.

Африканец!

Сукин сын Дантес!

Великосветский шкода.

Мы б его спросили:

– А ваши кто родители?

Чем вы занимались

до 17-го года? –

Только этого Дантеса бы и видели.

Впрочем,

что ж болтанье!

Спиритизма вроде.

Так сказать,

невольник чести...

пулею сражен...

Их

и по сегодня

много ходит –

всяческих

охотников

до наших жен.

Хорошо у нас

в Стране Советов.

Можно жить,

работать можно дружно.

Только вот
 поэтов,
 к сожаленью, нету –
впрочем, может,
 это и не нужно.
Ну, пора:
 рассвет
 лучища выкалил.
Как бы
 милиционер
 разыскивать не стал.
На Тверском бульваре
 очень к вам привыкли.
Ну, давайте,
 подсажу
 на пьедестал.
Мне бы
 памятник при жизни
 полагается по чину.
Заложил бы
 динамиту
 – ну-ка,
 дрызнь!
Ненавижу
 всяческую мертвечину!
Обожаю
 всяческую жизнь!

Николай НЕКРАСОВ

Размышления у парадного подъезда (отрывок)

За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овинком, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;

Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великую русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется –
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великую скорбью народной
Переполнилась наша земля, –
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснёшься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, –
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

Николай НИКОЛАЕВСКИЙ

Каких событий отголоски,
Что так ведётся испокон:
Мы говорим – умён чертовски,
Не скажем – божески умён.
Что бог? Он чопорный и чёрствый,
Он жаждет жертв, крестов, икон.
Правдоискатель звался чёртом
И в чёрный список был внесён.
Во мгле веков, свой чуб ероша,
Простак провидчески постиг:
Богач и ябедник – святоша,
А друг хороший – еретик.
Веками вдалбливали черни:
Как против бога устоишь?
Но шла борьба.
Ещё Коперник
Повысил дьявольский престиж.
Окно открою в мир тревожный.
Я твёрдо знаю, чья взяла...

Встаёт рассвет, горит безбожно,
И жизнь до дьявола светла.

Булат ОКУДЖАВА

Ваше благородие, госпожа разлука,
мне с тобою холодно, вот какая штука.
Письмецо в конверте
погоди – не рви...
Не везёт мне в смерти,
повезёт в любви.

Ваше благородие, госпожа чужбина,
жарко обнимала ты, да мало любила.
В шелковые сети
постой – не лови...
Не везёт мне в смерти,
повезёт в любви.

Ваше благородие, госпожа удача,
для кого ты добрая, а кому иначе.
Девять граммов в сердце
постой – не зови...
Не везёт мне в смерти,
повезёт в любви.

Ваше благородие, госпожа победа,
значит, моя песенка до конца не спета!
Перестаньте, черти,
клясться на крови...
Не везёт мне в смерти,
повезёт в любви.

Борис ПАСТЕРНАК

Гамлет

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске,
Что случится на моём веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идёт другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

Игорь СЕВЕРЯНИН

Классические розы

*Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!
И.Мятлев. 1843 г.*

В те времена, когда роились грёзы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слёзы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут – уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

Василь СИМОНЕНКО

Герострат

Зачем меня судили вы когда-то?
Прошли века, но ваш ничтожный суд
Не обезглавил славы Герострата –
Я есмь, я жив, и я творю свой суд.

А зодчий от забвенья не очнулся,
И скульптор превратился в лебеду.
Из пепла их я встал и отряхнулся,
И всем назло в бессмертие иду.

Кричите и кривитесь от обиды,
И не жалейте лишнего плевка,
Но у меня, убийцы Артемиды,
Лежат в ногах покорные века.

Над вами возвышаюсь я вулканом,
Мне ваши небоскребы до колен.
Передо мной, бессмертным хулиганом,
Вы все – ничто. И думы ваши – тлен.

Над миром, сумасшедшим и патлатым,
Которому подумать недосуг,
В руке я стиснул сумасшедший атом
И слышу, как всё замерло вокруг.

Не спите, навсегда забудьте ложе,
И знайте, что он с каждым днём сильнее,
Готовый всё спалить и уничтожить,
Чтоб насладиться славою своей.

Перевод Льва Смирнова

Людмила СМЕРКОВИЧ (Скади)

Я песнями твоими очарован –
Давно уже не слышал светлой музыки такой.
Мелодии твои смелы и новы,
Словами же ты следуешь традиции седой.

Ты слагаешь песни так легко, как дышишь,
И печать таланта на стихах видна,
Но возьми монетку, попытайся – слышишь –
Напиши мне песню без слова «война».

Я шёл по дальним странам незнакомым,
Сражался там, где мог, а где не мог – там выживал,
Носил я и доспехи и оковы,
Был и богат, и беден, и многих женщин знал.

Ты слагаешь песни так легко, как дышишь,
Я такого пенья не услышу вновь,
Но возьми запястье, попытайся – слышишь –
Напиши мне песню без слова «любовь».

Я часто видел кровь, чуть реже – слёзы,
Я собственной рукой друзей могилы зарывал,

Я шёл под жарким солнцем и в морозы,
Немало я терял и слишком много забывал.

Ты слагаешь песни так легко, как дышишь,
И земную с песней покидаешь твердь,
Но возьми что хочешь, попытайся – слышишь –
Напиши мне песню без слова «смерть».

Борис СТРУГАЦКИЙ

Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Бессильный и неумелый,
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута,
И есть ли у спрута сердце...

Александр ТВАРДОВСКИЙ

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

Татьяна ЩЕРБИНИНА

Печальна участь пьющего поэта,
Поэт непьющий – вовсе не поэт!
Погас костёр, но тлеет сигарета.
На фильтре дорогой помады след.
Всё хорошо! Почти благополучно.
Фальшивой краской скрыта седина.
Она живет порядочно и... скучно.
Стабильно. И по-прежнему – одна.
Какая глупость – биться до потери
Сознания об стенку головой.
Она в любовь давно уже не верит.
Привычным стал безрадостный покой.

Шальные бредни юности забыты.
Звон тягостен разбитого стекла.
Увы! Она не стала Маргаритой.
И Мастером не стала.
Не смогла.

Оглавление

Александр БЛОК	
«Река раскинулась. Течет, грустит лениво...»	3
«О, весна без конца и без краю...»	3
Сергей БОГАЧЕВ	
Откровение	4
Павел ВАСИЛЬЕВ	
Сердце	5
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ	
Монолог Мерлин Монро	7
Владимир ВЫСОЦКИЙ	
«Был развесёлый розовый восход...»	9
День без единой смерти	10
Дом хрустальный	13
Здесь вам не равнина	13
История болезни	14
Когда я отпою и отыграю	16
Конец "Охоты на волков", или Охота с вертолетов	17
Мой Гамлет	18
Моя цыганская	20
Памятник	21
Прерванный полет	23
«При всякой погоде...»	25
Побег на рывок	26
Разговор с палачом	28
Расстрел горного эха	31
«Слева бесы, справа бесы...»	32
Спасите наши души	32
Сыновья уходят в бой	34
Чужая колея	35
<i>Предп.В. Высоцкий</i>	
«О том, что в жизни не сбылось...»	37
Александр ГАЛИЧ	
Виновники найдены	38
Заклинание Добра и Зла	39
Летят утки	40
Про маляров, истопника и теорию относительности	42
Николай ГУМИЛЕВ	
Рай	43
Счастье	44
Леонид ДЕРБЕНЁВ	
Миг (Песня из кинофильма «Земля Санникова»)	45
Сергей ЕСЕНИН	
Анна Снегина	46
«Гой ты, Русь, моя родная...»	46
«Мне грустно на тебя смотреть...»	47
«Мне осталась одна забава...»	47
Ответ	48
Пантократор	50
«Ты такая ж простая, как все...»	52
«Устал я жить в родном краю...»	53
Антонина КАКОВИДИ (Тошка)	
Финголфин	54
Дмитрий КЕДРИН	
Бог	54

Редьярд КИПЛИНГ	
Пыль (Пехотные колонны).....	55
Владимир КОТОВ	
Прописная истина.....	56
Олег ЛАДЫЖЕНСКИЙ	
Баллада песни под виселицей.....	57
Зачем?!.....	58
«О пощаде не моли – не дадут...».....	59
«Стареем, брат, дуреем, брат...».....	59
Михаил ЛЕРМОНТОВ	
Маскарад.....	60
Евгений ЛУКИН	
«В южной местности гористой...».....	61
Записки сумасшедшего.....	62
Мифология.....	63
«На излёте века...».....	63
Петру.....	63
Пожелание.....	64
Речитатив.....	64
«Слова – достойны, речи – гладки...».....	64
«Сменили строй – как имя-отчество...».....	64
Осип МАНДЕЛЬШТАМ	
«Мы живём, под собою не чуя страны...».....	65
Владимир МАЯКОВСКИЙ	
Неоконченное.....	65
Киев.....	66
Домой!.....	70
Юбилейное.....	71
Николай НЕКРАСОВ	
Размышления у парадного подъезда.....	72
Николай НИКОЛАЕВСКИЙ	
«Каких событий отголоски...».....	73
Будат ОКУДЖАВА	
«Ваше благородие, госпожа разлука...».....	74
Борис ПАСТЕРНАК	
Гамлет.....	74
Игорь СЕВЕРЯНИН	
Классические розы.....	75
Василь СИМОНЕНКО	
Герострат.....	75
Людмила СМЕРКОВИЧ (Скади)	
«Я песнями твоими очарован...».....	76
Борис СТРУГАЦКИЙ	
«Теперь не уходят из жизни...».....	77
Александр ТВАРДОВСКИЙ	
«Я знаю, никакой моей вины...».....	77
Татьяна ЩЕРБИНИНА	
«Печальная участь пьющего поэта...».....	77